

А.Н.Леонтьев
ЧУВСТВЕННАЯ
ТКАНЬ СОЗНАНИЯ¹

Развитое сознание индивидов характеризуется своей психологической многомерностью.

В явлениях сознания мы обнаруживаем прежде всего их чувственную ткань. Эта ткань и образует чувственный состав конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или далеко только воображаемой. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д. Обо всем этом написаны многие тысячи страниц. Однако эмпирическая психология постоянно обходила важнейшей с точки зрения проблемы сознания вопрос: о той особой функции, которую выполняют в сознании его чувственные элементы. Точнее, этот вопрос растворялся в косвенных проблемах, таких, как проблема осмысленности восприятия или проблема роли речи (языка) в обобщении чувственных данных.

Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания — как объективное “поле” и объект его деятельности.

Это утверждение может показаться парадоксальным, потому что исследования чувственных явлений издавна исходили из позиций, приводивших, наоборот, к идее об их “чистой субъективности”, “иероглифичности”. Соответственно, чувственное содержание образов представлялось не как осуществляющее непосредственную связь сознания с внешним миром², а, скорее, как отгораживающее от него.

¹ Леонтьев А.М. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. С. 133 — 140.

² См. Ленин В.И. Поля. собр. соч. Т. 18. С. 46.

В послегельмгольцевский период экспериментальное изучение процессов перцепции ознаменовалось огромными успехами, так что психология восприятия наводнена сейчас великим множеством разнообразных фактов и частных гипотез. Но вот что удивительно: несмотря на эти успехи, теоретическая позиция Гельмгольца осталась непоколебленной.

Правда, в большинстве психологических работ она присутствует невидимо, за кулисами. Лишь немногие обсуждают ее серьезно и открыто, как, например, Р.Грегори — автор самых, пожалуй, увлекательных современных книг о зрительном восприятии¹.

Сила позиции Гельмгольца в том, что, изучая физиологию зрения, он понял невозможность вывести образы предметов непосредственно из ощущений, отождествить их с теми “узорами, которые световые лучи рисуют на сетчатке глаза. В рамках понятийного строя естествознания того времени решение проблемы, предложенное Гельмгольцем (а именно, что к работе органов чувств необходимо присоединяется работа мозга, строящего по сенсорным намекам гипотезы о предметной действительности), было единственно возможным.

Дело в том, что предметные образы сознания мыслились как некоторые психические *вещи*, зависящие от других вещей, составляющих их внешнюю причину. Иначе говоря, анализ шел в плоскости двоякой абстракции, которая выражалась, с одной стороны, в изъятии сенсорных процессов из системы деятельности субъекта, а с другой — в изъятии чувственных образов из системы человеческого сознания. Сама идея системности объекта научного познания оставалась неразработанной.

В отличие от подхода, рассматривающего явления в их изолированности, системный анализ сознания требует исследовать “образующие” сознания в их внутренних отношениях, порождаемых развитием форм связи субъекта с действительностью, и, значит, прежде всего, со стороны той функции, которую каждое из них выполняет в процессах презентирования (представленности) субъекту картины мира.

Чувственные содержания, взятые в системе сознания, не открывают прямо своей функции, субъективно она выражается лишь косвенно — в безотчетном переживании “чувства реальности”. Однако она тотчас обнаруживает себя, как только возникает нарушение или извращение рецепции внешних воздействий. Так как свидетельствующие об этом факты имеют для психологии сознания принципиальное значение, то я приведу некоторые из них.

Очень яркое проявление функции чувственных образов в сознании реального мира мы наблюдали в исследовании восстановления предметных действий у раненых минеров, полностью ослепших и одновременно потерявших кисти обеих рук. Так как у них была произведена восстановительная хирургическая операция, связанная с массивным смещением

¹ См. Грегори Р. Разумный глаз. М., 1972.

мягких тканей предплечий, то они утрачивали также и возможность осязательного восприятия предметов руками (явление асимболии). Оказалось, что при невозможности зрительного контроля эта функция у них не восстанавливалась, соответственно у них не восстанавливались и предметные ручные движения. В результате через несколько месяцев после ранения у больных появлялись необычные жалобы: несмотря на ничем не затрудненное речевое общение с окружающими и при полной сохранности умственных процессов, внешний предметный мир постепенно становился для них “исчезающим”. Хотя словесные понятия (значения слов) сохраняли у них свои логические связи, они, однако, постепенно утрачивали свою предметную отнесенность. Возникла поистине трагическая картина разрушения у больных чувства реальности. “Я обо всем как читал, а не видел... Вещи от меня все дальше” — так описывает свое состояние один из ослепших ампутантов. Он жалуется, что когда с ним здороваются, “то как будто и человека нет”¹.

Сходные явления потери чувства реальности наблюдаются и у нормальных испытуемых в условиях искусственной инверсии зрительных впечатлений. Еще в конце прошлого столетия Стреттон в своих классических опытах с ношением специальных очков, переворачивающих изображение на сетчатке, отмечал, что при этом возникает переживание нереальности воспринимаемого мира².

Требовалось понять суть тех качественных перестроек зрительного образа, которые открываются субъекту в виде переживания нереальности зрительной картины. В дальнейшем были обнаружены такие особенности инвертированного зрения, как трудность идентификации знакомых предметов³ и особенно человеческих лиц⁴, его аконстантность⁵ и т.п.

Отсутствие прямой отнесенности инвертированного зрительного образа к объективному предметному миру свидетельствует о том, что на уровне рефлектирующего сознания субъект способен дифференцировать восприятие реального мира и свое внутреннее феноменальное поле. Первое представлено сознательными “значимыми” образами, второе — собственно чувственной тканью. Иначе говоря, чувственная ткань образа может быть представлена в сознании двояко: либо как то, в чем существует для субъекта предметное содержание (и это составляет обычное, “нормальное” явление

¹ Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М., 1945. С. 75.

² См. Stratton M. Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. 1897. № 4,

³ См. Gaffron M. Perceptual experience: an analysis of its Relation to the external world through internal processing- // Psychology: A Study of a Science. 1963. Vol. 4.

⁴ См. Jin. Looking an upside-down face // Journal of Experimental Psychology, 1969. Vol. 81 (1).

⁵ См. Логвиненко АД., Столин В.В. Восприятие в условиях инверсии поля зрения. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М., 1973. Вып. 6.

ние), либо сама по себе. В отличие от нормальных случаев, когда чувственная ткань и предметное содержание слиты между собой, их несовпадение обнаруживается либо в результате специально направленной интроспекции¹, либо в особых экспериментальных условиях — особенно отчетливо в опытах с длительной адаптацией к инвертированному зрению². Сразу после надевания инвертирующих призм субъекту презентуется лишь чувственная ткань зрительного образа, лишённая предметного содержания. Дело в том, что при восприятии мира через меняющие проекцию оптические устройства видимые образы трансформируются в сторону их наибольшего правдоподобия; другими словами, при адаптации к оптическим искажениям происходит не просто иное “декодирование” проекционного образа, а сложный процесс построения воспринимаемого предметного содержания, имеющего определенную предметную логику, отличную от “проекционной логики” сетчаточного образа. Поэтому невозможность восприятия предметного содержания в начале хронического эксперимента с инверсией связана с тем, что в сознании субъекта образ представлен лишь его чувственной тканью. В дальнейшем же перцептивная адаптация совершается как своеобразный процесс восстановления предметного содержания зрительного образа в его инвертированной чувственной ткани³.

Возможность дифференцирования феноменального поля и предметных “значимых” образов, по-видимому, составляет особенность только человеческого сознания, благодаря которой человек освобождается от рабства чувственных впечатлений, когда они извращаются случайными условиями восприятия. Любопытны в этой связи эксперименты с обезьянами, которым одевались очки, инвертирующие сетчаточный образ; оказалось, что, в отличие от человека, у обезьяны это полностью разрушает их поведение и они впадают на длительный срок в состояние инактивности⁴.

Я мог привести здесь лишь немногие данные, касающиеся того особенного вклада, который чувственность вносит в индивидуальное сознание; были, например, вовсе опущены некоторые важные факты, полученные в условиях длительной сенсорной депривации⁵. Но и сказанного достаточно, чтобы поставить вопрос, центральный для дальнейшего анализа рассматриваемой проблемы.

¹ Это дало основание ввести понятие “видимое поле” в отличие от понятия “видимый мир”. См. *Gibson J.J. Perception of the visual world. Boston, 1950.*

² См. *Логвиненко АД. Инвертированное зрение и зрительный образ // Вопросы психологии. 1974. № 5.*

³ См. *Логвиненко АИ. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа // Восприятие и деятельность. М., 1975.*

⁴ См. *Foley J.B. An experimental investigation of the visual field in the Rhesus monkey // Journal of genetic Psychology. 1940. № 56.*

⁵ См. *Solomon Ph., Kubzansky P. and oth. Physiological and Psychological aspects of sensory deprivation // Sensory deprivation. Cambridge, Mass., 1965. 35 Зап. 2652*

Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность.

Конечно, когда мы сопоставляем с огромным богатством познавательных результатов мыслительной человеческой деятельности те вклады, которые непосредственно вносит в него наша чувственность, то прежде всего бросается в глаза их крайняя ограниченность, почти ничтожность; к тому же обнаруживается, что чувственные впечатления постоянно вступают в противоречие с более полным знанием. Отсюда и возникает идея, что чувственные впечатления служат лишь толчком, приводящим в действие наши познавательные способности, и что образы предметов порождаются внутренними мыслительными — бессознательными или сознательными — операциями, что, иначе говоря, мы не воспринимали бы предметного мира, если бы не мыслили его. Но как могли бы мы мыслить этот мир, если бы он изначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?